

Лихачев Николай Петрович

**Лицевое житие святых
благоверных князей русских
Бориса и Глеба**

По рукописи конца XV столетии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Петрович Л.**
Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба: По рукописи конца XV столетия / Лихачев Николай Петрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 119 с.

ISBN 978-5-519-93650-7

ISBN 978-5-519-93650-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе. Съ приложеніемъ 3 фототипическихъ таблицъ.	стр. 5
Лицевое житіе свв. князей Бориса и Глѣба, съ приложеніемъ 4 цвѣтныхъ фототипій (рис. 13, 14, 19 и 24).	

Исторія миниатюры русских рукописей находится еще въ періодѣ воспроизведенія памятниковъ и собиранія частичныхъ наблюденій надъ обширнымъ, далеко не вполне обследованнымъ матеріаломъ. Если хорошо извѣстны лицевыя рукописи эпохи патріарха Филарета, царскія рукописи второй половины XVII вѣка, старообрядческіе лицевыя сборники XVIII столѣтія, то и этому не мало способствовало точное обозначеніе времени написанія нѣкоторыхъ экземпляровъ. Лишь только дѣло касается такихъ недатированныхъ рукописей, какъ напримѣръ, сборникъ житій святыхъ собранія Академіи Наукъ или житіе преподобнаго Нифонта, находящееся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, возникаютъ споры. Даже такое колоссальное предпріятіе, какъ лицевой лѣтописный сводъ, вызываетъ опредѣленія, разнящіяся на цѣлое столѣтіе и при томъ, не забудемъ, обстоятельствъ, что между XVI и XVII вѣкомъ лежитъ если и не широкимъ рвомъ, то во всякомъ случаѣ опредѣленной, многозначительной черточкой, Смутное время.

Для объясненія подобнаго явленія надо припомнить, что древняя Русь, жестоко страдавшая отъ нашествій и пожаровъ, оставила намъ сравнительно небольшое количество памятниковъ миниатюры. Если отдѣлить среди рукописей, относящихся по времени написанія къ эпохѣ до Смутнаго времени, довольно многочисленныя Евангелія съ изображеніями Евангелистовъ, то всѣ остальные лицевыя русскія рукописи, за исключеніемъ

нѣкоторыхъ излюбленныхъ памятникѣвъ (какъ, напримѣръ, книга Козьмы Индикоплова), распадаются на рядъ разнообразныхъ и почти что единичныхъ, каждый въ своемъ родѣ, документовъ.

При такой единичности, вызывающей крайній недостатокъ матеріала для сравненія, и внѣшніе, если можно такъ выразиться, для разбора памятникѣвъ миниатюры вопросы, какъ опредѣленіе времени и мѣста написанія, оригинальности композицій, передѣлки или простого копированія старыхъ подлинниковъ, и такіе вопросы—рѣшаются съ большимъ трудомъ.

Если нетрудно опредѣлить, что извѣстная Углицкая псалтирь 1485 года является, напримѣръ, копіей съ копій далекаго оригинала [довольно скудной на данныя относительно особенностей манеры времени написанія ¹⁾], то выясненіе того важнаго обстоятельства, что въ основѣ небрежной работы иллюминатора единственной въ своемъ родѣ, такъ называемой, Радзивилловской лѣтописи, лежитъ циклъ рисункѣвъ болѣе древней лицевой рукописи, происходившей изъ Суздальской области, потребовало соединенныхъ усилій тонкаго филологическаго анализа и глубокихъ археологическихъ познаній.

Тотъ, кто въ концѣ XV столѣтія знаменилъ миниатюры Радзивилловскаго списка, самъ по себѣ представлялъ явленіе исключительное, выказавъ основательное знакомство и широкое пользованіе образцами западно-европейской миниатюры и гравюры.

Трудно предположить, чтобы онъ могъ быть дѣятелемъ Суздальско-Московской области. Въ старой Москвѣ послѣдовательно держались принципа опредѣленно выразившагося въ

¹⁾ Есть миниатюры и пририсованныя послѣ.

Московскомъ Кремль—крѣпость строй по своему, а храмъ по нашему ¹⁾).

¹⁾ Очень поучительная статья Н. В. Султанова: „Древніе царскіе врата женскаго педагогическаго института въ Петербургѣ“ (въ журналѣ „Художественныя сокровища Россіи“ за 1906 г. № 1—2) подчеркиваетъ междупрочимъ разницу, какъ сильно было восточное вліяніе въ области орнамента и какъ, наоборотъ, оно ступшевивалось въ области храмосзданія („... въ иконописаніи оно равно нулю, а въ зодчествѣ сводится къ нѣсколькимъ мелкимъ деталямъ ...“). Орнаментъ всегда и вездѣ легче всего подвергался вліянію новыхъ образцовъ и, несмотря на чрезвычайное разнообразіе матеріала, въ рукахъ археолога-спеціалиста способенъ давать наиболѣе цѣнныя и точныя показанія. Н. В. Султановъ справедливо отмѣчаетъ всю силу волны итальянскаго вліянія послѣдней четверти XV и первой XVI вв. Итальянскіе мастера явились учителями русскихъ людей въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ и даже передали свои термины новаго искусства книгопечатанія, но нельзя не остановиться въ раздумьи передъ любопытнымъ фактомъ—отчего Венеціанскія и Флорентійскія иркунабулы—вся область итальянской гравюры—такъ мало отразилась на русскихъ рукописяхъ. Относительно миниатюры это особенно интересно. Можно было бы ожидать разительныхъ перемѣнъ, а замѣчаются (кромѣ орнамента) лишь слѣды. Въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ сочиненіи А. И. Успенскаго: „Древне-русская живопись (XV—XVIII вв.)“ (Москва. 1906. 4^о) даны снимки съ двухъ частей одной изъ фресокъ Благовѣщенскаго Собора по фотографіямъ при реставраціи В. Д. Фартусова. Фреска эта, изображавшая „О тебѣ радуется“, въ настоящее время записана, и снимки въ книгѣ Успенскаго единственные документы, по которымъ мы въ настоящее время можемъ судить о томъ, что было. Крайне жаль, что все это закрыто! Если повѣрить очерку Фартусова, то передъ нами единственный примѣръ участія въ росписи соборовъ итальянскихъ художниковъ. Вліяніе итальянскихъ фресокъ бросается въ глаза, но обиліе лицъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ вызываетъ недоумѣніе, тѣмъ болѣе что при указанномъ изобиліи они не отличаются разнообразіемъ типовъ—почти во всѣхъ есть отдаленное сходство съ портретомъ Данта. По уменьшенному фотографическому снимку маленькаго уголка изображенія я, конечно, не рѣшусь высказаться вполнѣ опредѣленно, но долженъ сознаться, что на меня превосходная высокохудожественная фотогравюра, лаская взоръ, производитъ по существу странное впечатлѣніе!

Въ московскую миниатюру и иконопись западное вліяніе просачивалось въ XV—XVI вв. по каплямъ и широкой струей пробилось лишь послѣ Смутнаго времени. Деталь зданія, чуждая какъ Византіи, такъ и Руси, нарядъ иноземца, приданный язычнику, не шокировали благочестиваго зрителя, изображенія же не только святыхъ, но и простыхъ православныхъ христіанъ должны были оставаться стильными.

Даже въ такомъ гигантскомъ предпріятіи, свѣтскаго, какъ кажется, происхожденія, какимъ является лицевой лѣтописный сводъ и извѣстное житіе св. Николая Чудотворца, при фабричномъ, можно сказать, производствѣ рисунковъ, въ значительной мѣрѣ изображавшихъ чисто историческія событія, пользование Нюрнбергской хроники¹⁾ было сокращено до мінімум'а, послѣ первой попытки, признанной, повидимому, излишне смѣлой²⁾.

Въ области иконописи и отчасти въ области миниатюры (конечно менѣе консервативной, чѣмъ иконопись) усовершенствованія, можетъ быть, правильнѣе сказать, видоизмѣненіе священныхъ изображеній шло инымъ путемъ.

Если мы въ области иконописи соберемъ ряды иконъ двухъ-надесятихъ праздниковъ въ простѣйшихъ композиціяхъ, а въ области миниатюры ряды, повидимому, одинаковыхъ изображеній Евангелистовъ, внимательному взгляду изслѣдователя на протяженіи XV—XVII вѣковъ откроется цѣлая гамма по-

¹⁾ Отраженіе которой найдемъ въ прорисяхъ XVII столѣтія!

²⁾ См. В. Н. Цепенкина: „Второй отчетъ“ (Спб. 1902. 8°) = „Извѣстія“, 1902, № 3, стр. 205. Происхожденіе лицевого житія Николая Чудотворца (Большаковскій списокъ) я связываю съ вопросомъ о лицевомъ лѣтописномъ сводѣ.

степенныхъ отличій, способныхъ дать указанія на время и мѣсто происхожденія того или другого памятника.

✓ При почти одинаковой прориси какая разница въ краскахъ, и въ изображеніи лицъ, одеждъ, горъ, зданій!

Были однако и такіе моменты исторической жизни, когда въ области искусства возникали новыя теченія и проявлялось необыкновенное оживленіе. На Руси это совпадало съ періодами политическаго расцвѣта.

Въ области миниатюры и иконописи до-монгольскій періодъ долженъ былъ характеризоваться тѣмъ же художественно-культурнымъ вліяніемъ Византіи (не понимая подъ этимъ словомъ Царь-града) черезъ Корсушь и вліяніемъ южно-славянскихъ земель, откуда шли на Русь богослужебныя книги. Сохранившіеся вѣщественные памятники (отражавшіеся иногда и на миниатюрѣ, напримѣръ, см. Остромирово Евангеліе) рисуютъ намъ высокую культуру, отъ которой, къ сожалѣнію, сохранились лишь слѣды и намеки. Монгольскій разгромъ и затѣмъ тяжелое продолжительное его прерваніе зародившееся, несмотря на борьбу земель, благосостояніе и въ значительной мѣрѣ отрѣзали Русь отъ вѣшняго міра.

Столѣтіе съ половины XIII — по половину XIV вв. является въ области искусства глухою порою. Новые чужеземныя образцы не приливаютъ, нѣкоторые виды высокой индустріальной техники исчезаютъ. За то старыя вліянія ослабѣваютъ, вторгается струя самодѣльности, самобытности. Въ областяхъ, гдѣ менѣе требовалось іератическое соблюденіе формъ появляется руссификація. Такъ въ печатяхъ XIII—XIV вѣковъ мы не узнаемъ уже болѣе точныхъ копій съ памятниковъ Византіи, грубѣе работа, измѣняются типы, самая величина и толщина.

Въ это время и въ миниатюру свободѣе могли проникать тѣ особенности, которыя подмѣчены археологами въ Радзивилловской, напримѣръ, лѣтписи.

Исходъ XIV—начало XV столѣтій ознаменовались въ русскомъ рукописномъ дѣлѣ почти что переворотомъ—наплывомъ южно-славянскаго вліянія въ области палеографіи, широкою разлившигоса въ русскомъ письмѣ.

Въ концѣ XV-го вѣка новая волна вліяній со стороны—сношенія съ Италіей, Молдавией, Асономъ—цѣлая амальгамма вѣяній, въ которой еще предстоитъ разобраться.

Въ Московскомъ княжествѣ, вырастающемъ въ могучее независимое государство, развивается спросъ на церковную и книжную роспись. Конгломератъ чужеземныхъ вліяній претворяется въ національной лабораторіи и во второй половинѣ XVI столѣтія начинаютъ вырисовываться всѣ особенности весьма опредѣленной по типичности Московской иконописи.

Замѣчательно, что почти въ тоже время Панселлини поставилъ крестъ надъ ново-греческой иконописью. Панселлина сравниваютъ съ Ушаковымъ (проф. Н. В. Покровскій)—и справедливо. Оба этихъ большихъ мастера, вліяя своимъ дарованіемъ и вводя элементы «фрязи», остановили дальнѣйшее развитіе иконописи. Живопись, конечно, несомнѣнное усовершенствованіе, но въ то же время она трудно примирима съ нѣкоторыми принципиальными основами иконописи.

Архаизирующая ново-греческая иконопись, выразившаяся главнымъ образомъ въ стѣнописи Асоны, была послѣднимъ дыханіемъ умирающей Византіи. Можетъ быть, поэтому она, академично правильная и изящная, такъ суха сравнительно даже съ нашими «новгородскими» письмами. Мнимымъ архаизмомъ эта манера долго вводила въ заблужденіе и ученыхъ, и неученыхъ

наблюдателей. Возникновение ея и ея особенностей, отличающихся замѣчательной цѣльностью и стильностью должны бы составить предметъ интереснаго изслѣдованія.

Весьма любопытно, что эта манера [отнюдь не единственная, замѣтимъ, оставленная въ наслѣдіе послѣднимъ періодомъ Византіи], повидимому, не оказала вліянія на русскую иконопись и миниатюру. Причина едва ли не въ томъ, что русскія «письма» въ типическихъ особенностяхъ сложились раньше. Совсѣмъ другое дѣло то, что мы видимъ въ лицевыхъ южно-славянскихъ Евангеліяхъ и Псалтиряхъ. Эта манера (также переработанное наслѣдіе Византіи)—отразилась въ многочисленныхъ русскихъ иконахъ. Слѣды ея я рѣшаюсь видѣть и въ рѣдчайшихъ миниатюрахъ иконнаго письма въ русскихъ Индикопловахъ XV вѣка.

Въ области русской миниатюры при современной неразработанности ея исторіи особенный интересъ и значеніе имѣютъ лицевыя житія русскихъ святыхъ. Конечно глѣть никакого сомнѣнія, что они составлялись по шаблонамъ греческихъ лицевыхъ житій, но во всякомъ случаѣ это уже не простое копированіе и при компоновкѣ должна была оставаться печать времени и мѣста, гдѣ трудился иллюстраторъ.

Не все можно было найти готовымъ въ греческихъ рисункахъ. Напримѣръ, пробили деревянный помостъ и спустили тѣло умершаго, повезли на саняхъ, спрятали тѣло подъ колодою изъ дерева (=погребли въ колодѣ) и т. д.

Кромѣ измѣненій въ технику и въ рисунокъ деталей, изрѣдка должна мелькнуть и самобытная, современная черточка.

Однимъ изъ такихъ весьма цѣнныхъ и я не ошибусь, если скажу—важнѣйшимъ житіемъ, является лицевое сказаніе о житіи благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба.

✓ Изображеніе житія св. князей мы имѣемъ въ нѣсколькихъ рукописяхъ и на цѣломъ рядѣ иконъ разнообразныхъ писемъ и разнаго времени. Передъ изслѣдователемъ богатый матеріалъ для изысканій и сопоставленій.

Будучи лицомъ совершенно не компетентнымъ для подобнаго изслѣдованія, я цѣлью настоящей замѣтки ставлю лишь описаніе принадлежащаго мнѣ любопытнаго памятника древней письменности, желая обратить на него вниманіе ученыхъ и сдѣлать ознакомленіе съ нимъ доступнымъ для всѣхъ, интересующихся русской миниатюрою и иконописью.

✓ Старѣйшимъ и общезвѣстнымъ лицевымъ житіемъ св. князей Бориса и Глѣба является знаменитый списокъ въ Сильвестровскомъ сборникѣ, воспроизведенный И. И. Срезневскимъ въ: «Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ» (Спб. 1860. 4^о). Ученый издатель отнесъ рукопись къ первой половинѣ XIV столѣтія. Во всякомъ случаѣ списокъ не можетъ быть вынесенъ хронологически за предѣлы этого вѣка и, слѣдовательно, миниатюры его выполнены до той новой волны южно-славянскаго вліянія, о которой мы говорили выше ¹⁾.

Многое въ лицевыхъ изображеніяхъ характерно для XIV вѣка, но конечно отнюдь нельзя утверждать, что мы имѣемъ дѣло съ оригиналомъ, а не съ копіей еще болѣе древней рукописи. Общеизвѣстно, въ какой ранній періодъ составлено житіе князей-мучениковъ и какъ древни ихъ изображенія [напримѣръ, на окладѣ Мстиславова Евангелія, одной изъ Рязанскихъ, такъ называемыхъ — «бармъ» — (св. Глѣбѣ), на золо-

¹⁾ В. Н. Щенкинъ въ „Отчетѣ“ (стр. 203) сопоставляетъ Сильвестровскій сборникъ съ извѣстной Магассиной летописью (1369 г.), но дѣло идетъ не о непосредственномъ вліяніи, а о важномъ вопросѣ „о вліяніяхъ болгарской миниатюры II-го царства на русскую миниатюру XIV вѣка“.